

Алиса Александровна Горяченкова

АМОК

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54131409

Аннотация

Открой мой послужной список, да я знаю следующий шаг убийцы, прежде, чем он его сделает. Я могу помочь в расследовании, могу быть полезен. Я видел такое, от чего леденеет душа, стоял на коленях и прощался с жизнью, смотрел смерти в глаза. Но вернувшись из Сирии, я привёз для себя лишь болезнь, которая медленно разрывает меня изнутри, а там, сотни людей я освободил от террористов. Там я был нужен, а здесь лишь глотаю таблетки, чтобы проснуться завтра, чтобы снова начать служить. Я не боюсь потерять жизнь, но боюсь потерять себя...

Пролог

Я поднимался по лестнице, осторожно наступая на каждую ступень. Ступени были покрыты какой-то жидкостью, потому что ботинки противно чавкали, когда соприкасались с поверхностью. Я искал в полумраке, куда бы наступить, чтобы попасть ногой на чистое место, но каждый раз вляпывался в эту чавкающую лужу. Стены помещения были серыми или темно-серыми, честно говоря, разглядеть в полутьме мне это не удавалось. Воздух был холодным и свежим, такое ощущение, что сквозняк и тянуло явно снизу.

Самое главное я не понимал, куда я иду, лестница уходила высоко в небо, а из-за темноты увидеть, куда она вела, не представлялось возможным. Но я точно знал, что должен идти и шел. Где-то внизу еле слышно стали доноситься шаги, я остановился и посмотрел вниз, но увидеть источник мне не удалось, я прислушался. Шаги стали раздаваться отчетливее, и я поспешил вперед, перебегая через две ступени.

Я испытывал странные ощущения, я парил над ступенями, отчего мне казалось, что я поднимаюсь достаточно быстро, даже очень быстро. Но при этом отчего-то мне было так страшно, что это сковывало мои ноги и делало их ватными. На тяжелых ногах я остановился, опустил руки на колени и часто задышал, периодически посматривая вниз. Шаги я не слышал, видно разыгралось воображение или мой попутчик по длинной лестнице тоже остановился.

Решив не проверять эту теорию, я осторожно занес ногу над следующей ступенью и собирался продолжить мой путь. Резко над ухом пронесся свист, и я услышал, как по лестнице быстро застучали ноги. От неожиданности я споткнулся и упал на руки, на ступени, ладони уперлись в камень и лужу, сердце стучало в такт бегущим ногам.

Я поднялся, вытер руки об себя и не думая, побежал вверх в два раза быстрее, руками хватаясь за перила. Шаги не замедлялись, я бежал тоже. Чем выше, тем становилось тяжелее бежать в быстром темпе, я стал менять темп, перебегая через две ступени, но уже не бегом, а быстрым шагом. Судя по тому, что я слышал, отрыв от громких шагов неизвестного у меня был. Я опять не понимал, зачем я бегу и от кого, испытывал только страх и подступившую внезапно тошноту. Сердце так быстро билось, что вот-вот выпрыгнет через рот. Я хотел вытереть пот с лица и почувствовал резкий металлический запах от своей руки, мои пальцы были в красной жидкости, уже высохшей местами.

Я в ужасе остановился как вкопанный и посмотрел на свои руки, они были в крови, а штаны испачканы ею же, там, где я их вытер, когда упал. Откуда кровь, черт побери, разбил колени, когда падал, черт.

Шаги приближались, и я должен был бежать выше, но я не мог двигаться от парализующего чувства отвращения к кровавым рукам, в воздухе стоял отвратительный металлический запах. Я наступил на ступень и попал в лужу, она бы-

ла глубже, чем на остальных ступенях, отчего мой ботинок носом утонул в жидкости. Твою мать. Я прорычал ругательство себе под нос, штанина тоже испачкалась. Я был весь перепачкан кровью, мои руки, штаны, ботинки... ступени были в кровавых лужах, все это время я шлепал ногами по кровавым лужам...

Сковавший ужас выбил из груди весь воздух, я перевернулся через перила и порывы рвоты вырвались наружу... Стук. Стук. Стук.

Глава 1.

МММ...голова трещала, тошнота была невыносимая, с закрытыми глазами я ощупывал рукой воздух. Меня вот-вот вырвет, но это не самое худшее, я не понимаю где я...

Пытаюсь разлепить глаза, свет режет, и я щурюсь. Во рту пересохло, как в пустыне, тьфу.

Стук. Стук. Стук. Подскакиваю на своей кровати, в дверь стучат, мобильник вибрирует на полу. МММ...хватаю руками голову и пытаюсь встать, как же мне плохо.

–Иду! Твою мать-то.

Подхожу к двери, перед тем, как открыть дверь, бегло смотрю, в чем я одет, трусы уже хорошо.

Открываю дверь, слишком медленно получается.

– Ты совсем охренел? Ты себя видел? Я стою тут уже целый час, я уже думал, что ты умер.

Макс влетает в квартиру и толкает меня в плечо. Я мычу, держась рукой о стену.

– Брат, мне плохо, отвали.

– Плохо? Не пить не пробовал?

– Я плохо сплю, ты же знаешь.

– Да, мать твою? Я тоже, но не веду себя как свинья. Или лучше пить, пока не сдохнешь? Ты же мне даже дверь потом тогда не откроешь.

Макс размахивает руками у меня перед носом, как злой клоун из фильма, забыл из какого. Я опираясь на стену, пытаюсь справиться с рвотными позывами.

– М..акс. Я бегу в туалет и сворачиваюсь перед унитазом, все мое ночное питье выворачивается наизнанку. На лбу выступает пот, меня кидает в жар или в холод, трудно понять, но кидает точно.

– Э-э-эм. Я выдыхаю и бормочу ругательства себе под нос. Какого черта принесло Макса в такую рань.

– Охренеть Джонни, ты похож на бомжа, приведи себя в порядок, есть разговор. Макс машет папкой с бумагами, я точно вижу это краем глаза.

– Брат, потом. Обнимаясь с унитазом, я мечтаю только о том, чтобы выпроводить Макса за дверь, но тот хватает меня за плечи и рывком ставит на ноги. Не сказать, что я слабее Макса, даже крепче и выше ростом, но сейчас я чувствую себя побитой боксерской грушей.

Макс – мой лучший друг-полицейский, Макса я иногда

называю братом, мы вместе с самого детства и вместе учились, вместе служили, потом попали в один отдел по борьбе с особо тяжкими преступлениями и долгие семь лет выполняли самую грязную работу оперуполномоченных. Он уже капитан, я всего лишь старший сержант. Макс называл меня Джоном или Джонни, редко Женей.

Но наши дороги шли вместе всегда. Макс и я, как Шерлок Холмс и доктор Ватсон, как Марпл и Пуаро, как...

– Джон, ты меня слушаешь? Мне нужна твоя голова, сейчас же.

Сплеывая горечь, поворачиваюсь к Максиму.

– Поверь, мне она тоже сейчас нужна. Я хватаюсь за голову, виски режет, как ножами чертовых террористов.

Медленно поднявшись, я тянусь к раковине, слыша, как Макс кроет меня отборным матом. Я включаю холодную воду и подставляю руки под струю, набрав полные ладони, приклоняю их к лицу, должно стать легче, всегда становится. Набираю еще холодной воды и мочу голову, шею, струи стекают по моему лицу и подбородку, набираю полный рот воды и сплевываю. Макс уже стоит в дверях с бокалом воды, лицо-то какое сделал, мне самому тошно.

– Макс, принеси мне таблетки, там на полке возле холодильника – лепечу я. Макс послушно выполняет мою просьбу и возвращается с моими верными друзьями-лекарствами, которые я вынужден принимать, чтобы не сдохнуть. Я ухмыляюсь сам себе и закидываю горсть таблеток, жадно запивая

их водой. Мой принцип – если выпить больше, значит быстрее поможет, правда врачи не знают об этом, это я точно говорю, зачем пить долго по одной таблетке, если можно сразу по три? Впрочем со мной никто не согласен, моя доза выросла, потому что лучше мне не становиться.

– Что ты там говорил, ты от меня хочешь? Я выхожу из ванной мимо Макса и иду на свое законное место – кровать, добравшись до края, я ползу к подушке и ложусь лицом в нее, когда же голова перестанет болеть.

– Мне нужна твоя голова Джон, у меня труп, уже второй, подозреваемого так и нет, посмотри бумаги. Макс садится вплотную ко мне и трясет своей папкой с бумагами у меня перед носом.

– Я знаю, что тебе нужно время собраться, пожалуйста, не подведи, я оставлю их тут (кладет бумаги мне на подушку), а сам поеду в отдел, я уже и так на час опоздал. Макс медленно встает, поворачивается ко мне (я бы смог это почувствовать, даже если бы не смотрел на него), но лишь вздыхает и выходит из комнаты, потом я слышу шуршание и хлопнувшую дверь. Моя Марпл ушла, усмехаюсь я себе под нос, поворачиваясь на бок. Я проваливаюсь в сон, в надежде, что головная боль уйдет хотя бы на время, но опять вижу пустой коридор, слышу шаги, крики, даже слышу чье-то громкое дыхание с хрипотой, чувствую металлический запах крови. Кровь повсюду, кровь и крики...

.....

Я открыл глаза и лениво потянулся за телефоном, взяв его с полки, посмотрел на часы – уже четверть третьего и два неприятых вызова, один от Макса (конечно, сейчас все брошу и буду капаться в его трупах), второй вызов с неизвестного номера.

Я сел на кровати, голова немного прошла и уже не так болела, как утром. Это хорошо, надо еще выйти и глотнуть свежего воздуха. Я вообще люблю быть на воздухе, я всегда бегал в парке, занимался спортом и катался на велосипеде, я люблю быть на природе и чем больше её, тем лучше. У нас в районе есть парк, туда и схожу. Но сейчас нет времени на спорт, я пока в форме. Мои размышления прервал мой телефон. Опять звонил Макс, я сбросил вызов, схватил его папку и пошел искать одежду по квартире, потому что не помню, куда ее положил вчера или позавчера.

Через час упорных попыток привести себя в порядок, выпив мой любимый кофе, я был уже почти как «огурец», такой же зеленый, потому что тошнить меня не перестало, но бодрый и готовый познакомиться с трупами Макса, уж ему я отказать не могу никогда.

Закинув в себя горсть из таблеток этамбутона и пипразинамида, я набрал Макса. Гудки сменялись гудками, пока Макс не взял трубку и не выдохнул мне прямо в лицо. Клянусь, если бы он был тут, рядом со мной, он бы так и сделал, но пока что дышал мне на том конце провода в телефон.

– Как наш мальчик? Надел на себя маску человека? За это я любил Макса, за его твердость не давать мне раскисать так, как я давал себе последнее время, когда мне было хреново.

– Одел маску твоего лучшего друга, но могу снять ее и вложить тебе в гребаную папку, – с улыбкой пробурчал я.

– Ладно, слушай, я планировал выйти на улицу и посмотреть твое дело на воздухе, давай встретимся через тридцать минут, и ты мне все расскажешь, идет? Я резко крутанул головой и поморщился от головной боли, которая пронеслась от моего виска к носу.

– Конечно, – Макс воодушевленно закивал в трубку, – я буду на месте, давай возле парка, пройдемся, но у меня будет не больше часа. В трубке зависла тишина, и Макс скинул – это означало, что разговор закончен. Я давно привык, что прощаться он не любит, во всяком случае в привычном смысле этого слова.

Через тридцать минут я стоял у входа в парк. «Мне 37 лет, я высокий, с коротко стриженными темными волосами, карими глазами, я люблю спортивные вещи, простые толстовки, кроссовки, кепки, так сказать одеваюсь в то, что считаю удобным лично для меня. Раньше я ходил только в рабочей форме, но уже полгода я борюсь с туберкулезом, а он борется со мной, одолевая меня головными болями, паникой и состоянием «овоща». Я бывший оперуполномоченный, но, как говорится, бывших не бывает? Я ушел из оперативно-розыскной деятельности добровольно, мне надоело копаться

в трупах, искать преступников, искать чертову причину их преступлений, мне хотелось свободы. И я нашел свободу в Сирии, мое умение быть хитрым, умение перевоплощаться, сливаться с окружающей средой, я же не просто живой поллицейский, я – аналитик, думающий человек, в моей голове крутятся шестеренки, я быстрый, ловкий, я незаменимый там, где я был. А был я там, где был нужен, по моему мнению и мнению моей группы, в Сирии, в «группе Вагнера». Я никогда не гордился собой, я всегда делал такие вещи, которые нужно было сделать, нужно раскрыть дело – я шел на это и копался до конца, а сейчас я оболочка от туберкулезной палочки, которая травит меня каждый день, но я найду выход, найду выход, найду....»

– Я найду выход, если ты меня слушаешь! Орал Макс, смотря на меня в упор.

– Прости, (я замешкался), давно ты тут стоишь?

– Не так давно, чтобы вывести тебя из ступора. Макс выхватил свою папку у меня из рук.

– Брат, я размышлял над твоими делами, так что там у тебя?

– Что там у меня, два трупа у меня и особо тяжкие оба. Макс ткнул мне в фотографии с мест преступления, которые лежали в папке. На фотографиях с трудом можно было различить убитых мужчин, я не мог различить характер убийств и взял фотографии в руки, чтобы рассмотреть детально.

– Пока ты смотришь, – они убиты были и обезглавлены,

убийства похожи только этим, никаких следов больше, никаких, мать его следов... Макс всматривался в мое лицо, затем продолжил.

– Жень, я серьезно, ты мне очень нужен, посмотри сводку. На первой фотографии в траве лежало тело мужчины, голова его была неестественно повернута в сторону, все тело было в крови, смешанной с грязными пятнами грязи и бог знает чего. Во что он был одет, я понять не мог, запекшаяся кровь очерчивала шею, рот был приоткрыт, язык вывалился изо рта, шея по всей видимости отрезана на половину.

На втором фото убитым был тоже мужчина, он сидел на коленях с опущенной шеей на одну сторону, в сочетании с затемневшей запекшейся кровью. Так-с...

Я крутил фотографии, перебирая их между собой, рассматривая детали одежды убитых, вглядываясь в их лица, закрытые глаза, неестественные позы, висящие головы, безжизненные открытые рты.

Макс перебирал документы, смотря на меня искоса, потом облизывая палец, перелистывал их снова и снова. Я протянул Максу фотографии с каменным лицом.

– Держи, когда они были убиты? Какой промежуток между убийствами?

– Первое убийство было сделано 13 сентября в ночь на 14 сентября, второе ровно через неделю.

– То есть 20?

– Да, ровно через неделю, время разное, оба не работали,

обычные приезжие, регистрации не имели, что думаешь?

– Местные разборки?

– С отрезанием головы? Зачем так извращенно? Макс ухмыльнулся.

– Местные извращенные разборки. Я вытянул у Макса из папки бумаги и заинтересованно стал их листать.

– Послушай, про помощь я имел ввиду твой профессиональный взгляд, забери папку и все изучи, как будут мысли, я буду ждать. Я думаю, что это не просто «извращенное убийство ради разборок». Макс заглянул мне в глаза, выжидающе гипнотизируя меня своими пронзительными глазами, он нахмурил брови и встал в привычную стойку «полицейского на допросе».

– Я возьму, мне нужно прочитать все, что там у тебя есть.

Макс одобрительно кивнул, похлопав меня по плечу.

– Вот это другое дело, узнаю своего Джонни.

Забрав у Макса папку я кивнул, настроенный на долгий вечер в компании с папкой и виски.

– Я не буду выводить тебя из запоя каждое утро, мне нужна твоя трезвая голова, поэтому возвращайся к жизни, созовимся завтра, дело срочное, к тому же тебе тоже нужно отвлечься.

– Ты прав, давай вечером ко мне? Может посидим как раньше, переберем возможные варианты?

– Джон, я не могу, поэтому и прошу тебя помочь мне, у меня куча не раскрытых дел.

—Понял, брат, я наберу тебе.

Мы постояли еще десять минут, напряженности между нами никогда не было, после моего приезда из Сирии, Макс даже стал чаще ко мне приходиться даже со своим загруженным рабочим графиком, спрашивал о моем самочувствии, предлагал работу и просил помощи в раскрытии дел, в чем, как считал Макс, мне не было равных. С Максимом мы распрощались, я побродил еще немного вдоль парка и пошел в сторону дома.

Домой я брёл, не шел, а брёл, медленно всматриваясь в небо, я вспоминал какое небо я видел, после того, как мы передислоцировались в Сирию, смотрел ли я на него в Пальмире и хотел ли смотреть. Не смотрел, я смотрел только на свои руки, слышал только свои уши, был беспощаден и жесток, только так я смог выжить, смог спасти своих ребят. Я смотрел в небо лишь однажды, когда Арам чуть не отрезал мне голову.

Я мотнул головой, чтобы выбросить нахлынувшие воспоминания из головы, боль опять прорезала мои виски.

Домой я пришел отвлеченный и настроенный на помощь, бросив папку в коридоре на стол, я стянул кроссовки, из папки выскочила фотография и приземлилась на пол. Это был второй труп, который сидел на коленях в неестественной позе и смотрел на меня полузакрытыми полупустыми глазами смерти. Я поморщился и поднял фотографию, впихнув ее в папку, но потом достал и присмотрелся. Возле ног мужчины

лежал перекошенный скомканный шамаг. Я вытащил вторую фотографию, но ничего нового не увидел, решив изучить материалы, положил ее обратно и побрел на кухню.

Закинувшись новой порцией этамбутона я перенес папку на кухонный стол, склонился над текстом дел и погрузился в голову преступника, раскладывая по полкам своих шестеренок все возможные варианты развития событий.

Я потянулся к своему ноутбуку и включил его, готовый провести остаток ночи в размышлениях. Уверен к утру у меня будет готов ответ для Макса, миссис Марпл сегодня я.